

Хэ И в конце концов покачал головой и ответил ровным тоном: Ничего особенного.

Шан И нахмурился, но допытываться не стал. Вместо этого он перевел тему: Скоро осень, тебе здесь комфортно живется?

Хэ И на мгновение замешкался, глядя на иероглифы на рисовой бумаге, и кивнул, хотя мысли его были далеко. Кем бы ни был Шан И, одно можно было сказать наверняка: он замышлял мятеж.

Ранее, когда Шан И возил его осматривать окрестности, Хэ И невольно подмечал детали. В ключевых военных лагерях подготовка велась с особой суровостью, и хотя границы Северо-Запада постоянно подвергались набегам Сюнну, под защитой Шан И враг не смел ступить и шага за черту. Становилось очевидно, ради чего Шан И так усердно муштрует армию.

Более того, подчиненные относились к нему с таким почтением, что не раз проскальзывали обращения, которые им по статусу использовать не полагалось.

Конечно, Хэ И понимал: Шан И намеренно позволял ему это увидеть. Генерал не собирался скрывать от него своих планов.

При этой мысли Хэ И невольно взглянул на Шан И. Тот смотрел на него в ответ, и в его взгляде читалась редкая нежность. Хотя на мужественном, суровом лице она выглядела несколько непривычно, глаза не умели лгать.

Генерал, как вы считаете, какой статус в этом мире самый высокий? — Хэ И приподнял подбородок, глядя прямо в глаза Шан И с невозмутимым видом.

Разумеется, титул Девять и пять, — Шан И тоже смотрел на него, словно пытаясь прочесть что-то сокрытое.

Хэ И усмехнулся и, глядя на Шан И с полуулыбкой, произнес: А если я сам захочу взойти на трон, генерал? Что вы тогда сделаете, а?

Хэ И решил рискнуть. Ему нужно было использовать эту ставку, чтобы доказать одно — нечто важное, от чего уже не будет пути назад.

Шан И пристально вглядывался в лицо Хэ И, словно не понимая, как в голове обычно сдержанного и равнодушного Хэ И вдруг возникла такая мысль. Трон? Это было то, чего желал и он сам.

Но ты — подданный, а вся твоя семья в Столице, — Шан И утаил от него вести, пришедшие из Столицы, пытаясь найти подходящий момент, чтобы вынудить Хэ И встать на его сторону.

Генерал, вы ведь прекрасно знаете, почему я попал в засаду по пути сюда. Вероятно, еще в тот момент, когда я покидал Столицу, мой род уже был полностью вырезан. Зачем мне беречь такого императора? — холодно ответил Хэ И.

Как он мог не догадаться об истине? Главные герои ушли в уединение, полагая, что их инсценировка смерти безупречна, но, скорее всего, император давно их раскусил. Вероятно, он преследовал их повсюду, а в порыве ярости истребил весь род героини. Бандиты, встреченные Хэ И по пути, скорее всего, тоже были подсланы императором.

Приходилось признать: император был человеком жестоким и беспощадным. Но именно тирания и порождает тех, кто готов поднять мятеж.

Поэтому я собираюсь взойти на тот трон и править Поднебесной, — в глазах Хэ И мелькнула решимость. Он приблизился к Шан И так близко, что его дыхание, казалось, касалось кожи генерала.

Шан И пристально посмотрел на него, подавил чувства в глубине души, поднял руку и большим пальцем провел по губам Хэ И. Он слегка надавил, пока на губах не выступила кровь, и только тогда отстранился.

Хэ И чуть склонил голову, обнажив полоску белой шеи. Шан И невольно бросил на нее взгляд.

Хорошо, — хрипло произнес Шан И. У него были свои планы, но сейчас не время было о них говорить.

Хэ И смотрел на него, словно пытаясь заново узнать этого человека. Внезапно он что-то вспомнил, усмехнулся, и на его лице появилось высокомерное выражение — точь-в-точь как у сытого, довольного кота.

Генерал Шан, помните: вы дали мне слово. Не вздумайте отступить.

Шан И слегка пошевелил пальцами и потянулся к Хэ И. Заметив, что тот лишь приподнял бровь, не препятствуя, он сжал его ладонь, переплетая пальцы.

Руки у Хэ И были нежными, как у аристократа, не знавшего тяжелого труда. У Шан И же всё было иначе: годы сражений оставили на ладонях толстые мозоли, да и сами руки были гораздо крупнее, но с четко очерченными костяшками, выглядевшими необычайно сильными.

Но я хочу, чтобы ты пообещал мне кое-что, — сказал Шан И, медленно приближаясь к Хэ И. Тот отступил, упершись в письменный стол, но Шан И продолжал наступать, пока они не прижались друг к другу так тесно, что сквозь одежду стали чувствовать сердцебиение друг друга.

Генерал Шан, — предостерег Хэ И.

Шан И тихо рассмеялся, склонил голову и уперся лбом в лоб Хэ И. Их носы почти соприкасались — казалось, стоит генералу чуть опуститься, и он накроет губы Хэ И своими.

Инспектор армии Хэ, в этом мире не бывает бесплатных обедов, как и ничего не дается без труда. За всё нужно платить, — Шан И положил руку на талию Хэ И и слегка потер ее. Тонкая, приятная на ощупь — м-м, очень хорошо.

И что же? — приподняв бровь, спросил Хэ И.

Вторая рука Шан И тоже легла на талию Хэ И, и теперь тот оказался полностью заключен в его объятия.

Инспектор Хэ, ты ведь знаешь о моих чувствах, не так ли? — низким голосом произнес Шан И.

Хэ И усмехнулся, без следа отстранил руки Шан И и, глядя на него с серьезным видом, ответил: Не беспокойтесь. Мой род Хэ тоже умеет воевать. Дайте мне тридцать тысяч отборных воинов, и я начну мятеж первым.

Шан И: ...

Хэ И поправил слегка помятую одежду и снова спросил: Кстати, когда вы планируете начать? Мне нужно время, чтобы потренировать солдат.

Шан И: ...

В конце концов, мрачный Шан И угрюмо вышел из кабинета. Однако, уходя, он невольно потер кончики пальцев — даже сквозь ткань он всё еще ощущал ту мягкость. Впрочем, так даже лучше, прищурившись, подумал он.

Шан И сдержал свое слово: вскоре он отобрал тридцать тысяч отборных воинов и передал их под начало Хэ И. Тот лично изучил их подготовку, десять дней прожил в тех же условиях, что и солдаты, а затем принялся внедрять строгие методы тренировок.

В прошлой жизни Хэ И был военным, причем из далекого будущего, где физические данные солдат контролировались с предельной точностью, а на основе строения человеческого тела были разработаны тысячи методик. К счастью, память у Хэ И была отличная.

Ему не нужна была численность, он требовал качества.

На второй день он отдал приказ своему адъютанту: разделить тридцать тысяч воинов на десять групп, а внутри каждой — еще на десять отрядов. Все они должны были конкурировать между собой, и те, кто не справлялся с ежедневными нормативами, немедленно исключались.

Конечно, отряды формировались не случайно: за те десять дней Хэ И внимательно изучил характер каждого солдата.

Ему нужны были только сильнейшие. Под его руководством из тридцати тысяч воинов отсеялось почти десять тысяч. Когда оставшиеся закалились еще сильнее, Хэ И подсчитал время и решил провести последнее испытание — как раз тогда, когда над Северо-Западом полетели первые снежинки.

В том же месяце Шан И официально объявил о походе против Сюнну.

Перед каждой зимой Сюнну из-за нехватки продовольствия нападали на Северо-Запад, чтобы захватить запасы и пережить холода. Поэтому после осени они всегда проявляли беспокойство.

Конечно, Хэ И не был настолько наивен, чтобы верить, будто Шан И идет воевать с Сюнну. Раз он решил поднять мятеж, нужно было сначала навести порядок на Северо-Западе. Поэтому поход был скорее переговорами, чем войной — в конце концов, небо высоко, император далеко, кто узнает, что там произошло на самом деле?

Когда Шан И уходил, Хэ И стоял на городской стене, провожая его взглядом. Мощная фигура мужчины казалась особенно стойкой на ветру, а исходящая от него аура убийцы, которую невозможно было смыть, не позволяла Хэ И отвести глаз.

Шан И был человеком, вышедшим из гор трупов, подобно вожаку волков в степях Северо-Запада. Он никогда не мог избавиться от этой ауры, особенно когда смотрел прямо на тебя, словно на добычу, от которой не убежать.

Хэ И отвел взгляд, а на следующий день собрал оставшихся отборных воинов. Все это время он тренировал их по сверхсовременным методам — жестоко, но эффективно. Все они стали намного сильнее, чем были при первой встрече, и даже их боевой дух изменился.

Когда внизу выстроились плотные ряды солдат, Хэ И поднялся на стену. Он не сомневался в их верности, его беспокоила лишь их сила, поэтому он решил дать им урок, который они запомнят на всю жизнь.

Высоко задрав подбородок, с безразличным выражением лица, он громко произнес:

— Солдаты! Я верю, что те, кто стоит здесь, — лучшие из лучших, но этого недостаточно! Далеко недостаточно! — Хэ И повысил голос и указал пальцем за городскую стену. — Знаете, что там? Бескрайняя пустыня, заснеженные земли, где не видно солнца, безлюдная глушь. Но

именно там пройдет ваша последняя тренировка!

Взгляд Хэ И скользнул по лицам воинов. Хорошо, никто не дрогнул.

— Мне не нужны слабаки. С первого дня я предупреждал: те, кто не выдержал и ушел, те, кто был исключен, — все они неудачники! — Хэ И поднял голову к небу. Снежинка упала на его ресницу, словно слезинка. Хэ И слегка вздрогнул, и растаявшая капля скатилась по щеке, миновав изящный подбородок, и упала на землю.

— За этой стеной — ваше поле боя, ваш настоящий ад. Когда ваш генерал вернется, когда наше великое дело будет близко к завершению, ради спокойной жизни наших жен, детей и родителей — идите и выберите из этого ада! — Хэ И выхватил меч. Белоснежный блеск клинка отразился на его бесстрастном лице, а затем он указал на ворота.

— Всё по плану! А теперь — в ад! — почти сорвавшимся голосом прокричал он.

Ворота с протяжным скрипом начали открываться. Снег падал хлопьями, оседая на плечах воинов, но никто не испугался. В строгом порядке, как и было оговорено, они начали покидать город.

Каждые десять километров от основного отряда отделялась группа. К ночи все заняли свои позиции. Им предстояло прожить месяц в бескрайней пустыне, имея запас еды лишь на десять дней и одежду, не защищающую от холода. Чтобы выжить, им придется пойти на крайние меры.

В то же время в пустыне уже были расставлены засады из тех, кто не прошел отбор. Из-за своей неудачи они испытывали жгучую зависть к тем, кто остался, и это была настоящая схватка на выживание.

Конечно, ради безопасности через каждые десять километров располагались пункты спасения. Если кто-то не выдерживал — будь то по принуждению, добровольно или из-за тяжелых ран — его доставляли в пункт и отправляли обратно в город с клеймом неудачника. А если кто-то был не в силах даже поползти до пункта... что ж, тогда ему была прямая дорога на тот свет.

Не хочешь быть неудачником? Выживай, прокладывая себе путь по головам других!

Хэ И тоже не сидел без дела. Каждый день ему присылали отчеты с фронта о успехах Шан И и сводки о ситуации с солдатами. Шан И одерживал одну победу за другой, поговаривали, что он уже начал переговоры с вождями. Хэ И невольно улыбнулся.

В его тренировочном лагере первые пять дней всё шло относительно спокойно, вернулось лишь несколько десятков человек. Но чем дальше, тем больше людей привозили обратно.

На одиннадцатый день, когда еда у них закончилась, количество вернувшихся достигло нескольких тысяч. Хэ И смотрел на них — возможно, они не были слабыми, но и сильными их назвать было нельзя. Он покачал головой и приказал распределить их по обычным частям.

Хэ И заметил у себя странную привычку: каждый вечер он стоял на стене и смотрел вдаль — то ли наблюдая за тренирующимися солдатами, то ли ожидая возвращения Шан И.

Шан И был хорош, Хэ И знал это. Но он также понимал, что этот человек непрост. Он даже начал подозревать: а не путешествует ли Шан И вместе с ним из мира в мир?

Хэ И не хотел привязываться. Если отдашь сердце, а любимый уйдет, потребуются бесконечные жизни, чтобы исцелиться. Поэтому он держался на грани, не решаясь ни сблизиться, ни отступить.

Посмотрим, еще посмотрим.

Так он говорил себе каждый раз. Месяц пролетел. В итоге из пустыни вернулось всего пять тысяч человек. И эти пять тысяч были настоящими воинами: их тела стали несокрушимыми, характер — твердым, а преданность Хэ И — абсолютной.

Он думал, что останется лишь три тысячи, так что результат стал приятным сюрпризом. Впрочем, чему удивляться — это же люди Шан И, они не могли быть плохими.

Хэ И дал им день отдыха, а затем возобновил ежедневные тренировки. После жестокой школы выживания базовые нагрузки казались им детской игрой. Хэ И был доволен.

Он начал тайно отправлять людей на выполнение важных поручений.

Прошел еще месяц, и Шан И вернулся.

Высоко развевались знамена, доспехи генерала блестели на холоде, а взгляд оставался таким же глубоким.

В день возвращения Хэ И стоял на стене. Шан И, верхом на коне, остановился у ворот и поднял голову. Уголки его губ дернулись, словно он пытался улыбнуться, но на его вечно невозмутимом лице это выглядело довольно комично.

Хэ И не удержался и рассмеялся: Уродство какое.

Неизвестно, услышал ли его Шан И, но он спрыгнул с коня, взбежал на стену и, подойдя к Хэ И, коснулся его щеки.

Кончики его пальцев были холодными, что заставило Хэ И поморщиться.

Почему так легко одет? Не холодно? — Шан И расстегнул свой плащ и бережно накинул его на плечи Хэ И. Знакомый запах окутал его.

Договорился? — приподняв бровь, спросил Хэ И.

Да, там будет тихо еще долго, — Шан И не сводил с него глаз.

Отлично. Я тоже всё подготовил. Выберем благоприятный день и устроим мятеж, — Хэ И сказал это так легко, будто речь шла о чем-то самом обыденном.

Шан И позабавило это спокойствие, хотя внешне он остался невозмутим. Он не удержался, взял руки Хэ И в свои и согрел их своим дыханием. Хорошо, давай выберем этот день сегодня.

Хэ И поднял взгляд на Шан И. Его персиковые глаза, слегка изогнутые, были полны очарования, и от этого взгляда у Шан И пересохло в горле.

Хорошо, — Хэ И высвободил руки и повернулся, чтобы спуститься со стены. Плащ Шан И был ему великоват, но зато укутывал его с головы до ног, не давая ни единому порыву зимнего ветра пробраться к телу.

Три дня спустя, из-за тирании императора, многие люди замерзли насмерть в лютую зиму. Вспыхивали крестьянские восстания, и хотя их жестоко подавляли, в сердцах простых людей посеялось семя — желание сменить правителя.

Вскоре после этого Северо-западная армия в полном составе двинулась к Столице. По пути они несли знамена справедливости, принимая в свои ряды повстанцев и заставляя коррумпированных чиновников открывать амбары с зерном. Всего за два месяца армия уже стояла у стен Столицы.

Хэ И сидел в лагере, обдумывая дальнейшие действия. Мятежников во все времена хватало, но всегда требовался предлог — законное основание. Нынешний император, конечно, был тираном, но ничего уж совсем запредельного не совершил, так что убивать его было нельзя — в крайнем случае, можно сослать под домашний арест. Но повод всё равно был нужен.

И тут Хэ И встретил двоих — точнее, главных героев.

Героиня была его старшей сестрой, а герой — тем самым «беззаботным» князем. Они скрывались от императора, жили под чужими именами, но недавно услышали, что Северо-западная армия подняла мятеж, а возглавляет ее легендарный Генерал Мобэй, Шан И.

А главное, в этом деле фигурировал Хэ И. Это заставило героиню, Хэ Сюсю, задуматься.

Когда-то она была наложницей императора и выжила лишь благодаря своей хитрости. Устав от гаремных интриг и поддавшись ухаживаниям влюбленного князя, она сбежала с ним. Но привыкшая к роскоши, она с трудом переносила жизнь в бедности. Денег было немного, а пользоваться драгоценностями из дворца она боялась.

Если бы не мятеж, она бы, возможно, и смирилась — чувства к князю у нее всё же были. Но когда она узнала, что в восстании участвует ее младший брат, да еще и занимает не последнее место, она не смогла усидеть на месте.

Если они победят, Хэ И станет героем, и она сможет купаться в роскоши, не скрываясь. Той же ночью она «обработала» князя.

Два дня они спорили, но в конце концов князь уступил, и они отправились к Хэ И.

У Хэ Сюсю был еще один расчет: князь обладал законным правом на престол. Если они выдвинут его вперед, мятеж Северо-западной армии станет абсолютно законным. А после того как император отречется, трон, скорее всего, достанется князю. Даже если нет, Генерал Мобэй не обидит их.

Хэ Сюсю всё рассчитала до мелочей. Хэ И, принимая их, прекрасно понимал эти мысли, но ему было всё равно. К тому же, как раз вовремя, он «заболел».

<http://bllate.org/book/21671/2235822>